

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 19 (4144)

Суббота, 13 февраля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина

Брюсов о Ленине

В архиве В. Брюсова я обнаружил пожелание от времени вырвать из журнала. При дальнейшем ознакомлении оказалось, что это небольшая речь, произнесенная Брюсовым на торжественном заседании в Московском Доме печати в связи с пятидесятилетием В. И. Ленина в апреле 1920 года. Долго не удавалось обнаружить источник, таинный в себе это интересное брюсовское выступление, и только недавно, при помощи работников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, состоялось установление печатного органа, в котором была опубликована эта речь. Им оказался «журнальный журнал «Рабочей газеты» «Экран» № 4 за 1928 год.

Речь Брюсова о Ленине, которую сегодня печатает «Литературная газета», — еще один яркий стих в поэтическом облике всегда трудящегося всего мира, который создал талантливый русский поэт.

В. СИВОВОЛОВ

«И не думал говорить, считая себя недостаточным осведомленным. Я скажу лишь несколько слов в личном разговоре. Вчера вместе с Максимом Горьким мы вспоминали слова поэта Тютчева:

«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые».

Такие роковые минуты мы переживаем и сейчас. Здесь много молодых лиц и им непонятно то, как смотрят на вещи мы, их родители. В 1905 году, их молодость совпала с европейской войной, теперь они переживают социалистическую революцию. Но для нас, которые в молодости жили в чеховской России, теперешние события прямо фееричны. Конечно, мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего. Вот теперь затворники о возможности сношения с другими планетами, но мало кто из нас надеется так побывать. Так и русская революция казалась нам такой же далекой. Предузнать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же, — это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине пораждает меня больше всего.

Мы знаем, что всякая геронизация притворению милому Ленину;

все мы учили, что земля движется по орбите, но это не мешает нам однако восхищаться восходом солнца, также будут изумлять и восхитять образом тов. Ленина.

Пройдут поколения и они будут также восхитяться восходом солнца, также будут изумлять и восхитяться образом тов. Ленина.

Д. ГРАНИН

Яблони в горах

ИЗ АЛТАЙСКОЙ ТЕТРАДИ

Мы проехали прошлым летом больше тысячи километров по Горному Алтаю. Вдоль Чуйского тракта бежали, сменялись, реки, стояла жара. На останках мы спускались к берегу. Раскаленные камни жгли подошвы. Присев на корточки, я набирал в ладони ледяную воду, и пальцы сводило от холода. Нечего было думать о кушаньи. За неделю мы ни разу не могли искупаться. Мы ехали на полугрузных бензовозах, на тягачах, груженных бревнами, в плетеных корзинах «козлов». Легкие наши были забиты пылью, как мешки пылесосов. Но мучительней всего была тряска, мы ехали по земле, шатались, обдаваемые от этой немилостивой, непрекращающейся грохочущей тряской. Долго еще мне казалось, что я стал меньше ростом.

Бездорожье началось, как только мы свернули с Чуйского тракта. Раскатанная колея состояла из рытвин и колдобин, напоминала бесконечную зубчатую рейку. Стоило выбраться в долину, и шофер устремлялся в объезд. Объезд шел прямо по степи, вскоре к нему приставлялся объезд объезда, затем и эта колея доводила до морской зыби, и возникал следующий объезд. С горы эта система из множества объездов напоминала разбухнувший, растущую на десятилетия километров мышцу, уже неспособную сопротивляться.

А между тем гранит был рядом, тут же, хороший, отличный гранит и хороший песок, но дороги никто как следует не занимался. Подыгрывала в кувоне, я подчинялся, во что обождал разбитые на ухабах машины, пережог горячего. Получилось, что на эти средства можно было построить в районах отличное шоссе.

Вместо того чтобы любоваться величественными лиственницами и горными вершинами, я сочинял злую статью о дорогах.

Я спрашивал, почему на том же Чуйском тракте вместо вывоза Гостраха или рекламы майонеза нельзя поставить портреты лучших дорожников.

ремонтных мастеров. О чабанах, о трактористах пишут во всех газетах, а дорожники, будь он самый расхороший, никто о нем не узнает. В области еще нет ни одной железной дороги. В областной центр Горно-Алтайск надо ехать около сотни километров автобусом. Почему на местных дорогах не обозначить: отсюда начинается участок, обслуживаемый таким-то совхозом, директор такой-то, и пусть этот совхоз краснеет от стыда или гордится. Вывоз продукции районов, снабжение районов — все зависит от состояния дорог. Тысячи человеко-часов вытравливают из жизни проклятые ухабы. Калечатся не только машины, калечатся настроение людей, здоровье.

Словом, это должна была получиться очень резкая и гневная статья. Но, когда мы приехали в Катанду, я уже ничего не мог писать. Я мечтал отдохнуть, хотя бы несколько дней пожить спокойно, полежать, половить рыбу.

На второй день заведующий фермой узнал, что я писатель. С утра я сидел у реки, швыряя камни в воду и присматривая место для ужения. Очевидно, он решил, что я собираю материал о нем. Он был очень любезен и гостеприимен и выказывал показать мне хорошие места для ловли. Пригласил осмотреть хозяйство фермы и вместе меня на пасеку, сперва на одну, потом на другую. Я предупредил его, что я ни о чем не намерен писать, но он мне не поверил. Он ходил между ульев и громко, отрывисто говорил, наседывая: — Широ расставил! Научную основу забыли! Партии и правительству угод нас, чтобы пчелиной семье дать пространство и солнце.

Хитро прищурился, он осведомился у меня: — У вас какая склонность — запоминать или забывать? — Запоминать, — сказал я.

Другого ответа в Китае не услышишь. Скромность — при остром чувстве достоинства, так — без манерности, сдержанность — под напором энергии... Пожалуй, я назвал бы эти черты китайских тружеников целомудрием, социальным целомудрием.

Юй властно вошла и меня вела во мрак туннеля, гудящего стрекотом бурных молотков. Редкие электрические лампочки тускло вырвали из тьмы пелену единого тумана, разломившиеся сланцы со следами сверла, тени рабочих с колышками перфораторов. Ударяя в глаза лучами фая, на нас напала пыльная «статья». Туннель еще не расширили до нужного диаметра. И не слышав свод лабегонировали.

Я слышал, вы недавно вышли замуж в Пекине. До тех пор, пока туннель...

Юй прервала меня — не резко и тем более не грубо, но с той категоричностью, которая сразу ставит точку в разговоре: — Главная — сознание любви, а вздох о сильном... Запроектированная собственнотельностью микроватт-часа гидростанция Люцзяся — три тысячных юаня.

Внезапно в глубине туннеля один за другим запылились вспышки взрывов, Загрязнено густое эхо, нас толкнул сернистый воздух, и с потолка, стуча о наскучившие камни, Юй схватила меня за руку, и мы, прыгая голову в плечи, побежали под бетонный свод. В недрах горы раскалялась канонада и мерцал ослепительный свет.

Поднявшись на пылок, Юй кричала мне в ухо: — Криво! ...И вот недавно из Китая пришла весть о том, что туннель закончен. «Хуанхэ» перекрывает ущелье Люцзяся. Я воспринял это так: маленькая Юй продела реку сквозь гору и вернулась в Пекин.

...И вот недавно из Китая пришла весть о том, что туннель закончен. «Хуанхэ» перекрывает ущелье Люцзяся. Я воспринял это так: маленькая Юй продела реку сквозь гору и вернулась в Пекин.

...И вот недавно из Китая пришла весть о том, что туннель закончен. «Хуанхэ» перекрывает ущелье Люцзяся. Я воспринял это так: маленькая Юй продела реку сквозь гору и вернулась в Пекин.

...И вот недавно из Китая пришла весть о том, что туннель закончен. «Хуанхэ» перекрывает ущелье Люцзяся. Я воспринял это так: маленькая Юй продела реку сквозь гору и вернулась в Пекин.

...И вот недавно из Китая пришла весть о том, что туннель закончен. «Хуанхэ» перекрывает ущелье Люцзяся. Я воспринял это так: маленькая Юй продела реку сквозь гору и вернулась в Пекин.

...И вот недавно из Китая пришла весть о том, что туннель закончен. «Хуанхэ» перекрывает ущелье Люцзяся. Я воспринял это так: маленькая Юй продела реку сквозь гору и вернулась в Пекин.

Дружба вечная, как вечны Волга и Янцзы

КАК стремительно летит время! Кажется, совсем еще недавно это оружейных салютов в древнем Пекине возвестило миру о рождении Китайской Народной Республики. И лишь после этого великого события смог появиться на свет Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Советским Союзом и новым Китаем.

И вот минуло десять лет. Десять лет, заветных больших саблями. Месяц за месяцем, день за днем люди во всем мире убеждались, сколь прочна и значительна дружба двух народов. Дружба, бесспорно оказывающая влияние на весь ход человеческой истории.

Немало преуспели за прошедшие десятилетия оба социалистических государства в а. Замечательных доблестей добился побед. Словно попутный ветер, эта дружба и взаимная помощь все более ускоряют наши шаги вперед.

Возможно ли переосмыслить стройки, что ведутся с помощью Советского Союза и других социалистических стран в Китае? Их сотни. Возможно ли охарактеризовать все многообразие форм культурных и научных связей, обмена книгами и театрами, всеми духовными богатствами? Их не счесть.

Подобно тому как в годы первых советских пятилеток особой популярностью пользовались у нас в стране Днепрострел и Магнитка, Ростсельмаш и Турксиб и многие другие, так ныне китайские друзья называют строящиеся или уже построенные с участием СССР Уханьский металлургический и Чанчуньский автомобильный заводы, мост через Янцзы и тракторный завод в Лояне, платины и электростанции, шахты и нефтепромыслы. Они, эти предприятия, стали костями индустрии Китая, уверенно прошивающего мирный вывоз Англии: в 10 лет

ЗАВТРА — 10 ЛЕТ
СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО
ДОГОВОРА

лено место за столом ООН, какое и подобиет великой державе. И в самом деле: не пора ли, наконец, понять упрямым политикам и безразличным филантрапам, что в мире есть только один Китай — Китайская Народная Республика. Что на стороне китайского народа не только социалистический лагерь, — с ним солидарны народы Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, честных людей в самих Соединенных Штатах. «Восстановление законных прав народного Китая», — говорил с трибуны XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев. — «не только в громадной степени поднимет престиж и авторитет Организации Объединенных Наций, но и является серьезным вкладом в общее оздоровление международной обстановки».

Ныне мир подошел к такому перекрестку дорог, когда особенно очевидно: многие сложные мировые проблемы не могут решаться без участия, а тем более вступить в воле Китайской Народной Республики. Ведь перед народами встала непосредственная задача осуществления самой жизненной проблемы современности — проблемы всеобщего разоружения.

Объективная и неотвратимая действительность вновь напоминает тем, кто притворяется глухим и невнимательным, что надо отбросить пустые разговоры, покончить с нелепым отношением к великому народу. На развалинах политики, тающей в пыли, — далеко не уезде. Недалеко и на Западе все чаще слышатся слова, отражающие настоящие требования мира. «С этим надо кончать», — призывает английская газета «Санди экспресс».

Что ж, разумные речи. Узел неприязни, говорит китайская пословица, надо развязывать, а не загибывать.

Десять лет исполняется завтра Советско-Китайскому Договору. По народы наши встретились на дорогах дружбы уже давно. Эта дружба имеет за своими истоками хорошие традиции и крепкую идейную основу — марксизм-ленинизм. Она будет мужать, все более крепнуть и впрямь. В этом можно не сомневаться, ибо, как говорят в Китае, наша дружба выше гор и глубже моря!

Вспомним форму. Не было такою международного сотрудничества, где бы Советский Союз не требовал, чтобы КНР было предостав-

лено место за столом ООН, какое и подобает великой державе. И в самом деле: не пора ли, наконец, понять упрямым политикам и безразличным филантрапам, что в мире есть только один Китай — Китайская Народная Республика. Что на стороне китайского народа не только социалистический лагерь, — с ним солидарны народы Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, честных людей в самих Соединенных Штатах. «Восстановление законных прав народного Китая», — говорил с трибуны XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев. — «не только в громадной степени поднимет престиж и авторитет Организации Объединенных Наций, но и является серьезным вкладом в общее оздоровление международной обстановки».

Ныне мир подошел к такому перекрестку дорог, когда особенно очевидно: многие сложные мировые проблемы не могут решаться без участия, а тем более вступить в воле Китайской Народной Республики. Ведь перед народами встала непосредственная задача осуществления самой жизненной проблемы современности — проблемы всеобщего разоружения.

Объективная и неотвратимая действительность вновь напоминает тем, кто притворяется глухим и невнимательным, что надо отбросить пустые разговоры, покончить с нелепым отношением к великому народу. На развалинах политики, тающей в пыли, — далеко не уезде. Недалеко и на Западе все чаще слышатся слова, отражающие настоящие требования мира. «С этим надо кончать», — призывает английская газета «Санди экспресс».

Что ж, разумные речи. Узел неприязни, говорит китайская пословица, надо развязывать, а не загибывать.

Десять лет исполняется завтра Советско-Китайскому Договору. По народы наши встретились на дорогах дружбы уже давно. Эта дружба имеет за своими истоками хорошие традиции и крепкую идейную основу — марксизм-ленинизм. Она будет мужать, все более крепнуть и впрямь. В этом можно не сомневаться, ибо, как говорят в Китае, наша дружба выше гор и глубже моря!

Вспомним форму. Не было такою международного сотрудничества, где бы Советский Союз не требовал, чтобы КНР было предостав-

лено место за столом ООН, какое и подобает великой державе. И в самом деле: не пора ли, наконец, понять упрямым политикам и безразличным филантрапам, что в мире есть только один Китай — Китайская Народная Республика. Что на стороне китайского народа не только социалистический лагерь, — с ним солидарны народы Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, честных людей в самих Соединенных Штатах. «Восстановление законных прав народного Китая», — говорил с трибуны XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев. — «не только в громадной степени поднимет престиж и авторитет Организации Объединенных Наций, но и является серьезным вкладом в общее оздоровление международной обстановки».

Ныне мир подошел к такому перекрестку дорог, когда особенно очевидно: многие сложные мировые проблемы не могут решаться без участия, а тем более вступить в воле Китайской Народной Республики. Ведь перед народами встала непосредственная задача осуществления самой жизненной проблемы современности — проблемы всеобщего разоружения.

Объективная и неотвратимая действительность вновь напоминает тем, кто притворяется глухим и невнимательным, что надо отбросить пустые разговоры, покончить с нелепым отношением к великому народу. На развалинах политики, тающей в пыли, — далеко не уезде. Недалеко и на Западе все чаще слышатся слова, отражающие настоящие требования мира. «С этим надо кончать», — призывает английская газета «Санди экспресс».

Что ж, разумные речи. Узел неприязни, говорит китайская пословица, надо развязывать, а не загибывать.

Десять лет исполняется завтра Советско-Китайскому Договору. По народы наши встретились на дорогах дружбы уже давно. Эта дружба имеет за своими истоками хорошие традиции и крепкую идейную основу — марксизм-ленинизм. Она будет мужать, все более крепнуть и впрямь. В этом можно не сомневаться, ибо, как говорят в Китае, наша дружба выше гор и глубже моря!

Вспомним форму. Не было такою международного сотрудничества, где бы Советский Союз не требовал, чтобы КНР было предостав-

лено место за столом ООН, какое и подобает великой державе. И в самом деле: не пора ли, наконец, понять упрямым политикам и безразличным филантрапам, что в мире есть только один Китай — Китайская Народная Республика. Что на стороне китайского народа не только социалистический лагерь, — с ним солидарны народы Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, честных людей в самих Соединенных Штатах. «Восстановление законных прав народного Китая», — говорил с трибуны XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Н. С. Хрущев. — «не только в громадной степени поднимет престиж и авторитет Организации Объединенных Наций, но и является серьезным вкладом в общее оздоровление международной обстановки».

Ныне мир подошел к такому перекрестку дорог, когда особенно очевидно: многие сложные мировые проблемы не могут решаться без участия, а тем более вступить в воле Китайской Народной Республики. Ведь перед народами встала непосредственная задача осуществления самой жизненной проблемы современности — проблемы всеобщего разоружения.

Объективная и неотвратимая действительность вновь напоминает тем, кто притворяется глухим и невнимательным, что надо отбросить пустые разговоры, покончить с нелепым отношением к великому народу. На развалинах политики, тающей в пыли, — далеко не уезде. Недалеко и на Западе все чаще слышатся слова, отражающие настоящие требования мира. «С этим надо кончать», — призывает английская газета «Санди экспресс».

Что ж, разумные речи. Узел неприязни, говорит китайская пословица, надо развязывать, а не загибывать.

Ты тоже прекрасен, о край мой родной.

Тобою навеки горды мы!.. Москва! Мировой революции взлет! Столица труда боевая! Идет коммунист. Ли Да-чжао идет, Посланец рабочих Китая.

Он шел от Пекина до башен Москвы. Был путь и далекий, и коварный. Но смелый боец, не щадя головы, Препятствия одолевает.

И вот Ли Да-чжао увидел Москву, И сердце от счастья клочочек: Его идеалы живут наяву В победях крестьян и рабочих.

За свет коммунизма сражался в боях И кровь проливал Ли Да-чжао Великий пример, величайший маяк — Идущая к солнцу держава.

Он Ленина слышит могучий призыв, По площади Красной шагает, Ильич — он не умер, он с нами, он жив.

Он в сердце народа Китая! Перевел с китайского Л. Черкасский

Воспоминание о туннеле

ИЗ КИТАЯ пришло сообщение: «Река Хуанхэ перекрывает ущелье Люцзяся». Хочу пояснить, что это значит.

Пятого октября автомобиль мчал меня к берегам Хуанхэ. Корреспондент «Литературной газеты» следовал китайский поговорке: «Не достиг Хуанхэ — не останавливайся».

Раскаленная дорога извивалась в горах, она стремилась камнями изпод шин и взрывалась пылью. Клонясь за виражом с боку на бок, я цеплялся за скабу — изумленный. Сила, с какой геология и климат в тех местах усмирили человека, ошеломила меня.

Что такое горный склон? Покатость — вы скажете? Но передо мной громадились высоченные горы, которые искусственно лишены покатости. Циклопические этажерки из террас, созданных людьми. Горная страна, превращенная в систему горизонтальных плоскостей. Ступени, засеянные хлебом и ведущие в небо.

Террасы кое-где попорчены оврагами. Природа наложила морщины на дело рук человеческих. Нечто вроде развалин Коллизы или выщербленных амфиатров Элады. Как и там, проявление стихии стало вторичным и слабым. Не трепсет оно вырывает, а мелкую досаду.

Вытиснуто на «Основы физической географии» Эммануэля де Мартона: «Богочеловек не может создать неровностей, сравнимых по размаху и протяженности с неровностями, объясняемыми своими происхождением тектоническими силами и эрозией действующей реки». По-видимому, может.

Местами покатые склоны сохранились, но они сверху донизу иссечены попеременно вадиками — гора, как терка для моркови. Ливень, не смывая почву, гаснет в канавках. На рыхлом лесовом склоне дождь почти не дает стока. Дело невеселое!

Известный русский зоогеограф П. П. Сушкин полагал, что человек, царь природы, сформировался в условиях безлесного горного ландшафта. Не знаю, так ли это. Могу лишь сказать, что люди, которых я видел там, среди настоящих гор Ганьсу, были, несомненно, людьми в высшем смысле слова.

Дорога выломана, и я увидел глубокую долину Хуанхэ. Внизу коричневый поток, крутятся воронками водовороты, с ревом топил подножие скал. Вверху на берегах были расластанные огромные иероглифы: «Разрубить горы и обуздать реки! Добудем счастье на века!»

По крутизне мы спустились от рибного поселения к скалистой равнине. Далеко внизу, клочком, пролетала река. Пешеходный мост, за троту держав, был бездной, начался под ногами, как лодка. Когда мы достигли середины реки, Юй сказала:

Вон там, у выходов красного песчаника, древний храм, следы обветренного в мезозойские сланцы. — створ будущей плотины высотой в полтора метра. Идеальная точка, ее помогли выбрать советские геологи. Но единственный способ перекрыть здесь сумасшедшую стемпину — отвести Хуанхэ на время стройки по туннелю. Сейчас мы его строим в толще гор, 14 метров в поперечнике, 683 метра в длину.

С того берега мне открылась картина, полная геронизма: на веревках и деревянных стремлянках, в желтой пыли, пронизанной солнцем, люди крошили каменную гору, свисавшую над кипящей лужицей. Ударам лома и кувалды заставляли скалу трескаться, выцарапывали тяжелые глыбы, вздымали их над головами и низвергали в Хуанхэ.

— На весу вырубает каннпа для железной дороги, — проговорила Юй. — В туннеле не легче, но мне хочется быть с ними.

— Чем же вы могли бы помочь силач? Ниженер-электрик едва ли из там нужен.

— И чай вскипятить — счастье. По отвесной полоске, вынесенной в отвесном берегу, Юй села меня к черному жерлу туннеля. На дыры вырвали и неслись на нас смятые «статра», груженные камнем. Страшный их скрежет вжимал нам спины в холодную скалу.

— Я слышал, туннель был спроектирован вами очень быстро... — Ну что вы, не мните. Я только участвовала.

Голос Ли Да-чжао, страстного трибуна, любимца студенческой молодежи, набатом звучал над Китаем в двадцатых годах нашего века. Босые, полные революционного пафоса стави его призывали учиться у русских братьев. В октябре 1918 года, приветствуя победу русской революции, победу большевизма, Ли Да-чжао написал такие прощальные слова: «Русская революция — лишь первый шаг всемирной революции, за ней последуют, одно за другим, революционные выступления бесчисленного множества народов...»

Весной 1927 года милитаристы казнили героя-революционера. Прошло более 30 лет. И вот сейчас мы читаем стихи поэта Цзан Ка-чжа из его новой поэмы «Ли Да-чжао». Образ героя, как живой, встает перед нами со страниц книги. Сегодня мы публикуем отрывок «В Москву» из поэмы Цзан Ка-чжа.

Сердце волнуется не без причин, Сердце стучит, беспокоясь. Женщина, пять незлыхых мужчин Молча торопят поезд*.

Взгляд равнодушный скользит по колу, До отправления — минута. Ждут ли они остановку одну? Ряд их маршрута?

Рад Ли Да-чжао. Колеса стучат. Солнечный город, где ж ты? Крепко зашит делегатский мандат В складках одежды.

Встреча в Харбине. Смотри и молчи: Очень опасна дорога. Но пробирались улыбки-лучи Сквозь конспирационную строгость.

Шесть делегатов от КПК Едут в столицу России. Кто их удержит? Какая рука? Нет такой силы!

Поезд летит по маньчжурской земле — Сердце быстрее, чем поезд. Скоро на смену безжалостной мгле Солнце придет золотое.

Станция. Воздух облет тишиной, Ни человека, ни птицы.

* В мае 1924 года профессор Ли Да-чжао во главе делегации Коммунистической партии Китая направились в Москву для участия в работе Пятого Конгресса Коммунистического Интернационала.

Ли Да-чжао. Фото А. Родомановой

ТОЛЬКО гостю, посещающему друга с открытой душой, по велению сердца, открывающему навстречу объятию и сердцу. Именно такой восторженный прием окрывает сейчас индийские главы Советского правительства Н. С. Хрущеву, прибывшему с кратким визитом в Дели по пути в Индонезию. «Он, — пишет индийская газета «Индия экспресс», — знает индийский народ, и народ Индии знает его».

Первое знакомство главы Советского правительства с индийским народом состоялось четыре с лишним года тому назад. Н. С. Хрущев успел тогда побывать в самых далеких уголках великой страны, встретиться с представителями всех слоев индийского населения. Премьер-министр СССР говорил о дружеских чувствах советских людей к индийским братьям, об их горячем желании сотрудничать, крепить экономические и культурные связи. Эти слова шли от самого сердца. Индийцы почувствовали это сразу. Годы, прошедшие с тех пор, доказали, что они не ошиблись. Результаты сотрудничества Советского Союза и Индии осязаемы, зримы.

«Наше отношение к Республике Индии», — заявил Н. С. Хрущев в своей речи на обеде, устроенном в его честь президентом Индии Р. Прасадом, — мы оцениваем очень высоко и считаем их хорошим. Почти по всем вопросам укрепления мира, которые обсуждаются в Организации Объединенных Наций, а также по многим другим вопросам, важным для нас, мы никогда не расходились с Индией. И у меня складывается такое впечатление: зная и чувствуя миролюбивую направленность политики вашего правительства, которое возлагается уважаемым нами г-ном Неру, отношения у нас сейчас такие, которые дают большие надежды на дальнейшее укрепление сотрудничества и взаимную помощь».

Народы уважают тех, у кого слово не расходится с делом, любят тех, чья деятельность служит делу мира, дружбы и прогресса. Вот почему такую горячую поддержку оказывают в эти дни глашатаи светлых времен — мира без войн — Н. С. Хрущев в Индии.

На снимке: Н. С. Хрущев беседует с Джавахарлалом Неру. Снимок принят по фототелеграфу. Фото А. Стужина

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ

- ★ Визит доброй воли
- ★ Брюсов о Ленине
- ★ 10 лет Советско-Китайскому Договору
- ★ Алтайский дневник Д. Гранина
- ★ Отверток из нового романа Ю. Бондарева
- ★ О февральском номере «Юности»
- ★ На соискание Ленинских премий
- ★ Слушается дело...
- ★ Новая открыт «Литературный музей»
- ★ Парижане — «ЗА». Страница «Юности», посвященная предстоящей поездке Н. С. Хрущева во Францию.

Яблони в горах

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
Сад боковой, у подножия горы. Рядом с пасекой на ровном плато, обведенном рекой, высились около тысячи саженцев разных сортов, яблони кусты. Первак очередь. На следующий год еще столько же. Затем еще.
Наверху, над нами, горы с ярко-белыми вершинами вечных снегов. «Вечные», как их называют здесь. Вечные снега, вечные горы — так уж много осталось на земле мест, где слово «вечный» принимается в штык.
Девушки спустились к реке, Клавдия Ивановна осталась одна на огромном поле.
Крохотная фигурка ее казалась беспомощно-слабой перед просторами неподатливой земли. С тревогой подумал я о единоробстве, затеянном этой старой маленькой женщиной. Удается ли ей? Успевает ли она?

Я попробовал расспросить Клавдию Ивановну про старый сад. Она десятилетиями морщила лоб, не желая вспоминать. Выходит, любилась лучшим участком, чтобы начать все сначала? Выходит, так. Но ведь двадцать с лишним лет выхаживала она старший сад... Ну что ж, зато тут земля хорошая и вода рядом.
Ее кориньное, пропеченное солнцем лицо все в мелких складках, и когда она морщилась, уже морщинки не прибавлялось.
Она очень подвижна, энергична. Трудно поверить, что ей за семьдесят лет. Ей ничего не стоило прохаживать сотни километров на мотоцикле за саженцами и черенками.
Она упорно сворачивала разговор на свои хозяйственные заботы. Обещали насос для поливки — никак не устанавливали.
Рядные черенки саженцев выглядели беззащитно-голыми. Сколько времени и труда надо затратить, чтобы на этой голый равнине возник тенистый сад и тысячи деревьев и кустов зашумели под ветром, расписывая зелено-солнечный блеск.

Природа Алтая построена на грубых контрастах — днем жара, ночью может ударить мороз. Клавдия Ивановна не очень-то винит своих девушек, они еще не знают, что значит вырастить яблоню в горах. К вечеру ей приходилось кутаться, плетая соломой, тряпьем чуть ли не каждый росток.
Она не беспокоилась, удастся ли увидеть ей, как здесь, у подножия гор, выхаживает безлюдное чудо цветущих садов. И с грустным стуком будут падать на землю яблони. И люди будут собирать их в большие корзины, и все это будет здесь, в горах, куда на память Клавдия Ивановна только три раза заезжала в местную лавку.

Тонкие тень яблонь свисали, словно усыхали. И жар раскаленной земли проникал сквозь подошвы.
Неясная мысль все время ускользала от меня. Что-то тревожное, как воспоминание, как будто все это я уже когда-то видел. Но я был на Алтае впервые. И никогда раньше не интересовался садами.
Отчетливо помню, как я подумал, что это равно для рассказа или для очерка чего-то не хватает. Какого-то открытия, удивительности...

Через несколько месяцев, будучи в Праге, мы шли на экскурсию в Градчаны. Мы остановились перед собором Святого Вита, и экскурсовод начала рассказывать нам историю постройки собора. Его строили свыше пятисот лет. Сменялись поколения каменщиков, поколения архитекторов. Кружевные наметные башни росли, приставлялись, вбирая талантливый труд древних мастеров. Легкими взлетами уходили в небо лучистые шпили. Серые шпалеры смотрели сверху на Прагу. Принудительная смена готики и барокко создавала ощущение окаменелых следов будущего времени. Перед этим каменным чудом думалось не о божестве, а о могуществе человека.

Седая женщина с мягким чешским акцентом рассказывала о первом строителе собора Матиаше из Лераса и следующим строителе Петре Партернике. Она назвала много имен участников этой долгой истории. И мне вспомнились Рим, собор Св. Петра, как несколько лет назад мы стояли на площади и говорили о Микеланджело. Ему было семьдесят лет, когда папа назначил его главным архитектором собора. Ми-

келанджело согласился и начал работу без всякой надежды увидеть свой великий замысел завершенным.
Начать ради будущего поколения, встать за труд, который при жизни не успевать кончить. — трудно придумать большую жертву для создателя. Дело тут не в славе, есть великие дорожки славы — естественное желание увидеть плоды своей работы, желание самому воплотить свое творение до конца. Стать перед собором, освободившись от лесов, окинуть его взглядом сверху до низу.

Камень площади, теплые от солнца, тени колонн, уполазающие в глубь колонады... Память толчком вернула меня на Алтай. Сады, горы, кориньное, проклятое лицо Клавдии Ивановны. Я видел все, что видел тогда, но иначе. Кристалл повернулся другой гранью. Вдруг я понял, что поступок Клавдии Ивановны требовал, в сущности, такой же силы самоотречения, какая была у Микеланджело, у строителя собора Святого Вита. Но подвиг Микеланджело был известен всему человечеству, миллионам людей на протяжении столетий, приходила на площадь перед собором Св. Петра, вспоминают его создателя, поколения гитов повторяют рассказ о великом строителе. Подвиг Клавдии Ивановны никому не известен. Может быть, неслучайно сравнивать этих людей, но сила их чувств сравнима. Бывает, что самые скромные дела становятся подвигом, если они освещены подлинной страстью.
Я думал о том, что мимо меня прошло героическое и я не заметил его.

Плохое начало хорошего номера

ПОЖАЛУЙ, ни один из наших журналов не может похвастаться столь многообразными, рассчитанными на самые разные вкусы и читательские интересы материалами, как журнал «Юности». Это общепризнано, и об этом красноречиво все говорит тираж журнала: 450 000 экземпляров.
И в февральском номере «Юности» читатель найдет много интересного, отнюдь не самого разнообразного по объему и сложности. Здесь «Панорама Юности» — фотозаписки, где читатель увидит и дворец бракосочетания, и ребят из московской школы-интерната, купивших на заработанные деньги автобусы, и своеобразный молочный конвейер, построенный под руководством молодого инженера Ивана Тесленко в одном из краснодарских колхозов, и юных рабочих автозагоде имени Лихачева, получающих свою первую зарплату. Рядом — заметки и корреспонденция, которые раскрывают, как незначительные детали, но с большой силой, жизнь в В. И. Чапаева, о подвиге комсомолец-партизана Зины Ломокоевой, замученной фашистами, Шахматкина, болельщика, да и не только любители шахмат с большим интересом прочтут отлично написанный очерк Вик. Васильева «Загадай Тая», посвященный молодому советскому гроссмейстеру, претенденту на звание чемпиона мира.

«Юность» продолжает свою давнюю традицию непосредственного разговора с читателем. Несомненно, найдут отклик выступления Э. Черепашкова «А так есть?» и А. Елагина «Спор», посвященные морально-этическим проблемам.
В центре журнала — две прозаические вещи. «Юность» публикует продолжение романа Николая Погодина «Янтарное ожерелье» и новую повесть Сергея Львова «Спасите наши души».
Несмотря на то, что на 73-й странице журнала, где обрывается публикация «Янтарного ожерелья», сказано «очередные следуют», и судить о произведении в целом пока невозможно, уже отчетливо видно, что крупнейший советский драматург, выступив в новом жанре, привнес в себя как зрелищный и оригинальный прозаик. Роман привлекает и остротой поставленных проблем, и точным ощущением атмосферы наших дней, и ярко написанными характерами молодых людей, и, наконец, как всегда, блестящим погодным диалогом.

Повесть С. Львова посвящена одному из сложных и актуальных вопросов: в ней идет речь о борьбе с растлевающим душу влиянием религии. Быть может, не все удалось автору. Кое-где дают себя знать схематизм, и иллюстративность. Но повесть подкупает свежестью материала и публицистической строгостью.

В статье Е. Долматовского, предисловия к поэтике Е. Е. Есенина, Г. Г. Гусак, говорится: «Пусть же отрывочный рассказ о том, как мучились девятнадцатилетние в огне войны, подкажет юношам и девушкам новых поколений, как найти себя, как расти, как взрослеть».

И в самом деле, эти короткие — не до пространств записки были тогда — заметки содержат не только неповторимые приметы сурового и героического времени, они рассказывают о народе, подвигавшемся на борьбу против фашизма, о юности, возмужавшей в боях.
Сколько велико воспитательное воздействие подобного рода документов на юную шестидесятую годов, подтверждают строки из стихотворения молодого поэта В. Кострова, опубликованного в том же номере «Юности»:

Павшие, на постаменте вставшие и застывшие не напоказ, Родины не отдавшие, лопнули вас и жить учусь у вас!

Итак, февральский номер «Юности» вполне можно было бы считать удачным. Если только не начинать читать его с первых страниц...

Открывающая номер небольшая поэма Ег. Етушенко «Считайте меня коммунистом» вызывает чувство глубокого огорчения. Поэт как будто бы искренне стремится овладеть «старым, но грозным оружием» публицистической лирики, доставляющим нам в наследство от Маяковского. Однако не постиг свое призвание поэта. Однако вызывает впечатление, что решил написать поэму с таким обязательным названием.

Ег. Етушенко сосредоточил свое внимание главным образом на изображении тех, кто не достоин носить это высокое имя, кто не преданности к революции. Всюду ему мерещатся приспособленцы и вра-

пропустил, обманутый личной обидой и собственной беспечностью. Воспоминание о Клавдии Ивановне преследовало меня, как неотлаженный долг. Я решил, что обязан написать хотя бы то, что знаю. Конечно, если бы я не считал себя тогда, на Алтае, отпуском и разбором бы в том, что творилось с Клавдией Ивановной, когда она отказалась от своего старого сада, сада всей ее жизни, ради нового участка, понял бы, сколько мужества и веры потребовало от нее это решение, как оно пришло к ней, то, может быть, у меня получились бы настоящие рассказы о самом большом и важном в человеческих чувствах. Но я этого не сделал, и мне было грустно и обидно оттого, что уже никогда не удастся его написать.

Оказавшись, тот, кто хочет быть настоящим писателем, не имеет права на отпуск, не имеет права ни на минуту уйти от своей профессии, закрыть глаза и сердце. — Иначе жизнь жестоко мстит. Человек должен отдавать все, что имеет, сегодняшнему дню.

Стоит мне вспомнить о Клавдии Ивановне, и передо мной возникает всегда одна и та же: сухонная физическая склоненная над саженцами, обзабоченно разминающая сухой ком земли. Она пошла на мудрую и вечную хитрость огромной семьи, которой принадлежала эта земля и эти горы, и долина, лежащая за излучиной реки, семьи, где многие умерли, некоторые живы и бесценно количество еще не родилось. Это о ней говорится в старой народной поговорке — живы так, как будто умерев завтра, обрабатывая землю так, как будто проживешь сто лет.
О ней и, наверное, о каждом из нас.

Плохое начало хорошего номера

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ...

«Предатели выжили, предатели скрылись, крамошастые лжецы, двуличные янусы, «каменное-равнодушные, босячие «всего подлинного и т. д. и т. п. Получается чудовищная картина — в нашем обществе чуть ли не все и вся запылило эти мерзавцы, и поэт, как некий Дон-Кихот, собирает вести с ними войну, да еще «гражданскую», да еще «Отечественную».

Стоит только вдуматься в смысл поэмы, чтобы увидеть, что он решительно не соответствует нашей сегодняшней действительности.
Избранный поэтом поэт чуть ли не единственно защитника завоеваний революции (история в последнее время Етушенко все чаще принимает эту позу) родила такие заключающие поэму кошмарные строки:

И пусть, не в пример неискренним, рассчитанным чьим-то словам, «Считайте меня коммунистом» вся жизнь моя скажет вам.

Итак, когда прозвучало слово «Считайте меня коммунистом» расчетливо и неискренно? Неужели Евгению Етушенко не известно, что эти слова говорили только люди, которые шли в бой, на смерть, не ради славы, а ради свободы — единственно идеальной незлобности и недостаточного жизненного опыта поэта, свидетельстве странной глупости ко всему новому, что вошло в жизнь страны за последние годы.

Слов нет, в нашей жизни есть еще и отрицательные явления, встречающиеся и мерзавцы, вроде тех, о которых пишет Етушенко. Но литература, который обращается к такого рода жизненному материалу, следует помнить, как в подобных случаях анализировал происходящее В. И. Ленин:

«На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эсеры в том числе), приходится 10 000 великих и героических актов — тем более великих и героических, что они просты, неидеальны, в будничной жизни фабричного рабочего, в повседневности и неидеальных людях, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир».

Остается сказать, что поэма Етушенко находится в вопиющем противоречии со всем содержанием февральского номера «Юности». Помините — плохое начало хорошего номера.

М. КИРИЛЛОВ

Кто инициатор...

На показательный процесс выездной сессии суда в клуб шпунтово-катученной фабрики собрались рабочие, товарищи подсудимых, родственники.

На первый взгляд, слушается очень непростое дело. Трое живущих в одном и том же доме парней, сговорившись между собой, в одну ночь совершили подвиги три квартиры кражи. Двадцатипятилетний Казанов, двадцатитрехлетний Курьянов и двадцатидвухлетний Громова (это он изображен на снимке) внесли на семь тысяч рублей костлявых вещей. За с напряженным вниманием следят за процессом. И судьи по разговорам в перерыве, шныряют, так сказать, детективные подробности дела: как воры сумели открыть двери, не вломив замков; откуда они знали, что в ограбленных квартирах, расположенных на разных этажах, некому было оказать сопротивление; кто был инициатором краж.

Казанов утверждает, что это он спланировал кражу и сам открывал своим ключом дверь квартиры, Курьянов же говорит, что двери открывал он. А Громова? Тот поднимает плечи. Он только стоял «на страже», как ему велели старшие.

Меня тоже интересует тайна этих краж. Но, как и многих присутствующих на процессе, интересует совсем другое. Как случилось, что эти трое парней совершили преступление?

Не тайна, а наше упущение

Все они на самые подсудимых не впервые. Казанов за уклонение от военной службы в 1956 году был приговорен к четырем годам лишения свободы, из которых отбыл около двух лет. После этого вернулся в Москву, работал на заводе. Однажды он прогулял.

6 февраля в «Литературной газете» под заголовком «Суд вынес приговор» были помещены эти фотографии.

Читатели обратились в редакцию с просьбой рассказать о судебном процессе, на котором были сделаны снимки. Мы публикуем статью писателя М. Ройзмана, присутствовавшего на суде.

И ВОТ ОН НА СВОБОДЕ

Слушается дело...

Прогул — сверяный проступок. Но стоило крепко подумать, что стается с Казановым, если он будет предоставлен самому себе и своим приятелям. Конечно, следовало избрать другую меру наказания, а не изгнание Казанова из трудового коллектива.

Два с половиной месяца он был без работы. Никто на заводе не интересовался, что делает их бывший товарищ. Никто даже не справился, как он живет и трудится ли. И никто не заволаговал, что уволился парня, за которым нужен глаз да глаз!

Курьянов, как и Казанов, потерял отца на фронте Отечественной войны. Был неплохим парнем. Но, пристрастившись к водочке, стал худощавым. За доброй его душой и два с половиной года он провёл в тюрьме. После этого четыре месяца работал в жилищно-эксплуатационной конторе Ленинского района слесарем-сантехником.

Как же относились к нему товарищи по работе, зная, что Курьянов уже находился в заключении? Что они сделали, чтобы втиснуть его в жизнь коллектива, увлечь общими интересами? Да ничего!

Теперь на суде представитель коллектива пытается взять Курьянова на поруки, уверяя, что, дескать, коллектив будет наблюдать за Курьяновым и на работе, и дома. А где же многоуважаемый коллектив был раньше?

Суд в ходатайстве конторы отказал. Можно ли было поступить иначе? Нет. Не каждый коллектив достаточно морально силен и крепок, чтобы можно было доверить ему «трудного человека». Курьянов по ходатайству того же коллектива не был взят до суда под стражу. И что же? Он уже однажды зарывал назначавшуюся сессии суда, заявившись туда в нетрезвом состоянии.

Громова — единственный из троих вырос в нормальной семье, не потерявшей в войне отца. Его отец — шофер, один брат отлично служит в армии, другой хорошо учится в школе.

Семнадцатилетним парнем Громова за кражу был приговорен к трем годам лишения свободы, но отбыл всего год с месяцем. Вернувшись в семью, через год за кражу снова предстал перед судом. Если, думая о Курьянове и Казанове, можно объяснить их первые проступки безнадзорностью, влиянием улицы, то Громова «оправдать» нечем. Что толкнуло его на преступление?

Почему в дружной рабочей семье вдруг появился «моральный урод»? На нынешнем процессе этот вопрос, к сожалению, не поднимался. (Впрочем, трудно и требовать от судей, чтобы, слушая дело, грозящее человеку третьей судимости, они снова разбирались в том, почему попала первая.)

Во второй раз Громова пробыл в колонии вместо пяти лет лишь два года. Его освободили условно — досрочно. Ему разрешили прописаться в Москве, обеспечить работой. Но через несколько месяцев после освобождения он с Курьяновым и Казановым совершил серию краж.

Администрация колонии поспешила с освобождением Громова. А назавтра в районной колонии должны были объявить особое внимание на переводившего Громова, осужденного за повторную кражу, и освободить его досрочно можно было, только убедившись, что он на самом деле хочет жить честным трудом.

Из трех представших перед судом парней только Громова уже совершал кражи, знал, как, что надо для этого делать. И, конечно, не Казанов и Ку-

рьянов подбили Громова на кражи, а наоборот. Может быть, все произошло из-за выпивки? Но выясняется, что Казанов и Курьянов раньше, в дни полудня, угощали друг друга вином, и никогда не приходило им в голову кого-нибудь ограбить. А в тот злосчастный день они, нетрезвые, встретили Громова и пошли красть.

Чтоб преступление не совершилось...

С тяжёлым чувством я покидаю здание клуба, где только что кончился показательный процесс.
Нет, не об уголовных проступках вещают шел там разговор. Кстати, получив сигнал от постового милиционера, оперативные работники 4-го отделения милиции уже к утру вернули все вещи пострадавшим.

Нет! Речь идет о том, как освобожденный условно преступник на наших глазах украл у общества двух парней, которые могли бы честно трудиться. Они снова попали в тюрьму. И на этот раз уже не за аппаратические выходы, а за преступление, которое расценивается законом, как одно из серьезных.

Порой в работе с оступившимся человеком мы сильно полагаемся на то, что «сама жизнь воспитает». Бесспорно, наша действительность — замечательный воспитатель. Но ведь и прежде человек жил среди нас и все-таки показались под гору! Значит, единичном несчастии, случившемся с человеком, можно поддаваться случайным дурным влияниям. Ему нужно постоянное внимание, моральная поддержка.

Самый трудный период для бывшего заключенного — это первое время после освобождения. Вот человек прибывает в свой город, где его могут встретить трудности, почти неизбежные для начинающего нового жителя.

Кто же должен помочь? Конечно, это не входит в задачу прокуратуры или милиции. Но ведь в этом же городе находится коллектив, в котором человек раньше работал или учился. Там он и должен найти тех, кто первым поможет ему стать на ноги.

А народные дружины? И у них огромная возможность поддержать вернувшегося.
Недавно я выступал на огромном заводе перед дружинниками с рассказом о том, как работал над сценарием фильма «Дело № 306». Штаб и партийная организация торжественно наградили ценными подарками особо отличившихся дружинников и дружинниц. Это были награды за задержание преступников и хулиганов.

И как немного было награжденных за то, что они вовлекли недавних уголовников в общественную работу, приобщили их к труду.

По-моему, надо, чтобы над каждым человеком, возвращающимся из мест заключения, брал шефство дружинник, общественник. Надо, чтобы вернувшийся на свободу сразу чувствовал честную дружескую руку, которая его поддерживает. Пусть этими общественниками руководят специальные комиссии при райисполкомах.

Тогда у нас не будет таких рецидивов, о которых я рассказывал. Тогда мы еще раз докажем, что гуманизмом, человеческим отношением можно сделать во много раз больше, чем карательными мерами!

Матвей РОЙЗМАН

Новый роман Юрия Бондарева «Вспомина» охватывает период с 1945 по 1957 год, выходя за пределы войны, охватывая послевоенный период, об их студенческих годах, о товариществе, о любви, о молодости людей, которые в борьбе, в сложных жизненных обстоятельствах обрели свое глубокое мирное счастье. Предисловием открыт взят из первых глав романа и относится к сорку пятому году — дням юности и встреч, порой радостных, порой горьких и тяжелых.

вернуться... воле крайних столтвов... посмотреть. Я не мог ошибиться. Еще раз повернуться...

Воле крайних столтвов он повернулся. За пятый столттов от астрды белело сквозило полное властное лицо, гладко зачесанные светлые волосы, высокие ранние залысины над высоким лбом. Крутая рука держала папиросу... Человек этот сидел один, женская сумочка, блестя лаком, лежала на краю столткова. Он медленно подносил папиросу ко рту, следя за язычками.

Нет, он не мог ошибиться, не мог. Кто это — командир дивизиона капитан Уваров? Это... Он командовал в Карпатах полтора месяца... «Я сейчас подойду к нему, сейчас все кончится — и я подойду к нему, — мелькнуло у Сергея. — Я подойду к нему».

«Что вы?» — и он очутился, будто вынырнул из горячей воды, почувствовал пот на лбу, и снова его словно обдуло ветерком — ее смеющийся голос: — Вы перестали танцевать. Мы ведь стоим. Это что — новый стиль? Да? — Да, да... — почти машинально повторил он, так же машинально подвел девушку к столткову, пропущен беззвучно: — Простите... И поднял голову, десять шагов до того столткова, где сидел человек с полным, белым лицом, десять шагов осенней карпатской грязи, засосавшей оружие, тела убитых, сброшенные передовые лотки со снарядов. Там среди убитых лежал Василий... Крутая рука этого человека поднесла папиросу ко рту. Потом он, задумав во снаху броне, налил в бокал боржом. Не отрывая глаз от танцующих, выпил. Тяжелой стороной ладони вытер губы. Помнил ли он сожженную деревню Жуковцы? Ночь в окружении и страшное серое октябрьское утро, когда орудия уехали на лугу и немецкие танки расстреливали их?.. Помнил?

Он курил и отхлебывал боржом, лицо лежало в дыму, маленькая лаковая сумочка лежала на краю стола. Чья эта сумка — новости, жены, знакомой? Она, видимо, танцевала с кем-то... Капитан Уваров.

Сергей не услышал своего голоса, только понял, что отстав шаггами расстелился до столткова, сказал это. Человек резко вскинул голову, дынув локтем по столу, от движения бокал с боржомом опрокинулся.

— А, черт! — выругался человек, перекося губы, и закрыл мокрое платно бумажной салфеткой. — Что вам? — спросил громко, раздраженным голосом. — В чем дело? — Не узнаете? — спросил Сергей медленно. — Правда, я не в военной форме. Трудно узнать. — Подождите... Подождите, что-то я принимаю... что-то в себе никак... — заговорил Уваров, голубые, чуть покрасневшие глаза его быстро, блуждающе скользили по лицу Сергея по его груди. И что-то вдруг, плеснулось в них.

Капитан Возмущен? Ты? — сочным, налитым изумлением и радостью голосом воскликнул Уваров, вставая; раскатило захохотал, протянул через стол руку. — Ты что? Демобилизовался? Из Германии? Сергей стоял, не шевелясь; глядел на уверенно протянутую ему широкую ладонь, и в ту же минуту в его сознании мелькнула мысль, что Уваров все забыл, и, только чувствуя холодный, колошачи озноб на щеках, стиснувший кожу, произнес тихо: — Сядем, поговорим. Я демобилизовался, — хрипло добавил он. — Из Германии. Он сел. Уваров отгдернул руку, грузно опустился на стул, сказал резким, командным голосом: — Что за чулка, хотел бы я знать! Не узнаешь, что ли, меня? Кошуткин? — Брови Уварова раздраженно вздрагивали, но лицо как бы размечталось, губы поползли в непонимающую улыбку, он досадно потер подбородок кулаком, спросил снова, прищурясь: — Не узнаешь? — Мы никогда не были на «ты», — сказал Сергей, с напряженной нетерпеливостью закуривая, с удивлением видя, что руки его сейчас не дрожали. — Мы не были друзьями. — Ах, дьявол! — начал головой, засмеялся Уваров, с превеличайной веселостью откинувшись на стуле. — Обиделся, что ли? Все ерунда! Давай выпьем за встречу, за то, чтобы на «ты», А? И не будем казаться свою интеллигентность? Уваров поставил перед Сергеем рюмку, потянулся за графинчиком, добродушно морщась, только голубиная глота стала жаркой, мутноватой, и по тому, как выступил платный нервный румянец на щеках, по тому, как он нечаянно захохотал и потянулся за графинчиком, угадывалось беспокойство, осторожность в нем, точно он вспоминал все. — Не пью, — проговорил Сергей, отодвинув рюмку. — Да ты что? Трезвенник? Ничего не понимаю! — снова захохотал Уваров. — Встречаются два фронтовика, один не пьет, другой обижается, у третьего печени, слезачки. Что происходит с фронтовиками? — Он накрыв сильной горячо влажной ладонью руку Сергея, спросил с доверительным добродушием: — Может, перехвятил ведь? Давно здесь веселишься? — Брось, Уваров! Ты все поминишь! — сухо произнес Сергей и с силой высвободил руку из ладони влажной его ладони. Уваров, всем корпусом порывисто откинувшись на стуле, спросил с хрипотцой: — Так, ты пьешь? — Поминишь, на станиках лежал умирающий Василий, когда я со взводом вытаскивал орудия из окружения? Поминишь? — Ты пьешь, — связав губы, повторил Уваров и, подняв голову, оглядываясь, крикнул зычно и востро: — Метрдотель! Подойдите ко мне!

ОБСУЖДАЕМ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ,
ВЫДВУНУТЫЕ
НА СОСИСКИЕ
ЛЕНИНСКИЕ
ПРЕМИИ

Любимая книга

ЛЕНИНСКИЕ А Я
премия — награда до-
стойнейшим. И
мы уже привыкли,
что эту награду книги,
доказавшие свое непреходящее значение,
любимые всем народом и признанные
люди. Когда «Полная» опубликовала спи-
сок произведений, выдвинутых на сосиски-
е Ленинские премии, каждый из нас
нетерпеливо пробежал его глазами, уве-
ренный, что найдет здесь свое любимое
произведение. И как естественно было
встретить в списке знакомое название:
«Полная».

Я как-то особенно остро почувствовал,
что такой большой художник живет и ра-
ботает в одно время со мной. И если мы
заведом читателям «Современника» вре-
мени Пушкина и Белинского, то через 50
или 100 лет будущие читатели Шолохова
могут быть, станут завидовать нам,
читающим «свежие главы» «Полной»
целины в утренней газете...

А мы уже давно ждали эти главы и
жадно ловили их в газетах, журналах.
Мне повезло больше других — я был од-
ним из первых, кто услышал заключи-
тельные страницы этой книги: Михаил
Александрович читал их во время встре-
чи со студентами МГУ.

«Полная» целина с детства вошла в
жизнь каждого из нас. Мы смеялись над
делом Шукера. Нас, мальчишек, пора-
жала непреклонность Макара Нагульни-
ва — романтический оред его как будто
закрыл от нас добрую уменку автора
над этой железной и нависшим полево-
м. Потом мы стали понимать более по-
лно всю многогранность изображаемых
Шолоховым характеров: мы почувствовали
неповторимость шолоховской манеры...

«Делая» набухла от ледяной влаги и,
когда ветер раздвинул облака, мела под
ярким солнцем и курчалась голубоватым
паром. По утрам из речки, из толстых,
блестящих пинн вставали туманы. Они
клубились вдали, перекатываясь
через Гремячий Лог, устремляясь к стел-
ным буграм, и там таяли, незримо рас-
таивались в нежной бирюзовой дыме,
а... вверху, как рассыпанная каменная
дробь, примыкая траву, до полудня ле-
жала свинцово-тяжелая, обильная роса...

Но жизнь идет. Гремячий колхоз,
созданный партией Семенов Давыдов-
вым, растет и крепнет.
Конечно, в своем письме я сказал дале-
ко не обо всем, что понравилось мне в
этой книге, что заворожило меня. Но я
думаю, многие согласятся со мной: роман
Михаила Шолохова «Полная» целина —
достоин Ленинской премии.

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

Я не литератур-
ный критик, и
отношения у
меня с литературой по-
лучаются сложные
— случается, не нра-
вится мне книга, о
которых мои друзья,
люди литературно
образованные, про-
фессионалы, отзыва-
ются горячо и заин-
тересованно. Вроде
бы, это только фак-
торы из этих фактов
и объясняется то,
что «Ледовая книга»
Юхана Смуула за-
хватила меня сразу и
стала для меня горя-
чим поклонником.

По специальности я истолог, а точнее,
морской истолог, и много раз рабо-
тал в морских экспедициях, бывал в За-
полярье и в тропиках. Собственно, этим
я чуть не всю жизнь и занимаюсь. А вот
читать книги об этих экспедициях при-
ходилось нечасто, и то, что читал, чаще
отвращало, чем радовало. Прежде всего по-
тому, что авторы таких книг — люди и
способные, и наблюдательные, и честные,
выявившие за лето, невольно как бы ста-
новятся в позу или нарочитой безстра-
стности или «безумной» заинтересован-
ности. И мало чем отличаются все эти
«экспедиционные дневники» от эдаких
экскурсионных справочников, главная
задача которых — ошеломить, озадачить,
заставить читателя содрогнуться: шор-
мы, туманы, айберги! Ну, а того, кто
все это повидал, ошеломить трудно, да и
врад ли нужно.

Книга Смуула — это прежде всего кни-
га о человеке. Забрался этот человек в
Калининграде вместе со своими пожит-
ками на борт «Кооперация», проплавая
на ней пять месяцев, провел полтора
месяца в Антарктике, побывав несколь-
ко раз в заграничных портах и вернувшись
домой. А мне с ним, оказывается, уж
трудно расстаться. Сжилась. Жить мне
было с этим человеком интересно.

Где-то я прочел, что Хемингуэй за-
мал однажды написать абсолютную прав-
дивую книгу, в которой бы ничего не было,
кроме подробного описания летнего
месяца жизни и событий, из которых
этот месяц складывается. Это ему не со-
всем удалось. Не помню уже, по какой
причине. Кажется, речь шла о «Зеленых
холмах Африки», книге, на мой взгляд,
очень интересной. (Правда, я не люблю
когда облизывают зверей, а там их уни-
вают.)

«Ледовая книга» в какой-то мере
задумана так же. День за днем плывем
мы на «Кооперации» вместе с автором.
Присматриваемся к людям, читаем
вместе с ним книги, думаем над прочитан-
ными. Книга подкупает и умением писате-
ля изображать, сказать о человеке зако-

но, особенно дорого,
что Светлов по-пре-
жнему верен своим
темат — героям и сверстникам
своей юности, нашей юности.

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

МНЕ БЫЛО ГРУСТНО С НИМ РАССТАВАТЬСЯ

Я не литератур-
ный критик, и
отношения у
меня с литературой по-
лучаются сложные
— случается, не нра-
вится мне книга, о
которых мои друзья,
люди литературно
образованные, про-
фессионалы, отзыва-
ются горячо и заин-
тересованно. Вроде
бы, это только фак-
торы из этих фактов
и объясняется то,
что «Ледовая книга»
Юхана Смуула за-
хватила меня сразу и
стала для меня горя-
чим поклонником.

По специальности я истолог, а точнее,
морской истолог, и много раз рабо-
тал в морских экспедициях, бывал в За-
полярье и в тропиках. Собственно, этим
я чуть не всю жизнь и занимаюсь. А вот
читать книги об этих экспедициях при-
ходилось нечасто, и то, что читал, чаще
отвращало, чем радовало. Прежде всего по-
тому, что авторы таких книг — люди и
способные, и наблюдательные, и честные,
выявившие за лето, невольно как бы ста-
новятся в позу или нарочитой безстра-
стности или «безумной» заинтересован-
ности. И мало чем отличаются все эти
«экспедиционные дневники» от эдаких
экскурсионных справочников, главная
задача которых — ошеломить, озадачить,
заставить читателя содрогнуться: шор-
мы, туманы, айберги! Ну, а того, кто
все это повидал, ошеломить трудно, да и
врад ли нужно.

Книга Смуула — это прежде всего кни-
га о человеке. Забрался этот человек в
Калининграде вместе со своими пожит-
ками на борт «Кооперация», проплавая
на ней пять месяцев, провел полтора
месяца в Антарктике, побывав несколь-
ко раз в заграничных портах и вернувшись
домой. А мне с ним, оказывается, уж
трудно расстаться. Сжилась. Жить мне
было с этим человеком интересно.

Где-то я прочел, что Хемингуэй за-
мал однажды написать абсолютную прав-
дивую книгу, в которой бы ничего не было,
кроме подробного описания летнего
месяца жизни и событий, из которых
этот месяц складывается. Это ему не со-
всем удалось. Не помню уже, по какой
причине. Кажется, речь шла о «Зеленых
холмах Африки», книге, на мой взгляд,
очень интересной. (Правда, я не люблю
когда облизывают зверей, а там их уни-
вают.)

«Ледовая книга» в какой-то мере
задумана так же. День за днем плывем
мы на «Кооперации» вместе с автором.
Присматриваемся к людям, читаем
вместе с ним книги, думаем над прочитан-
ными. Книга подкупает и умением писате-
ля изображать, сказать о человеке зако-

но, особенно дорого,
что Светлов по-пре-
жнему верен своим
темат — героям и сверстникам
своей юности, нашей юности.

А. ПАВЛОВ,
студент МГУ

нично и точно, найти деталь очень важ-
ную и характерную, единственную; муже-
ством и юмором. Но что особенно важно —
все время я чувствую глубокую заинте-
ресованность писателя во всем, что его
окружает. А окружает его люди. Разные,
со своими судьбами, характерами и при-
вычками — мои современники. И мне ду-
мается, они относятся к герою книги
так же тепло и задушевно, а расстаться с
грустью. Нельзя не поверить таким, ска-
жем, искренним словам писателя, зани-
мавшим им при расставании с Антаркти-
кой: «Не смею объяснить, как я люблю
этот клочок. Не как женщину, не как
родственника и даже не как «первый
остров», свое место под солнцем, а при-
мерно так же, как я люблю иные местеч-
ки на Муху — самые дикие, самые за-
пущенные, самые каменные».

Вот, оказывается, как можно писать
морских экспедициях, пропуская все уп-
режденное и пережитое через свое сердце.
Впрочем, это, наверно, и составляет су-
щество настоящей литературы. Поэтому
меня очень образовало сообщение о том,
что «Ледовая книга» представлена на
сосиски Ленинской премии.

А. Н. ПРОБАТОВ,
доктор биологических наук,
профессор
КАЛИНИНГРАД

Ю. Ананкин — выпускник Ленинградского института имени Репина Академии
художеств. В Рязани, куда приехал после учебы Ананкин, тепло встретили молодого
художника. Сейчас он заканчивает портрет татарского композитора Сайдашева.
Фото А. Стефанова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ОТКРЫТ
ПО СУББОТАМ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ

Ф. ПАНФЕРОВ С ТАРИКИ МОРЕВ

Акиму Морев думал о Елене.
Вспомнил, как сидела она в
самолете, в не решающийся мо-
мент в дверь просунувшая голову
помощница Петина, который
твердо сказал:
«На прощание Москва».
«Аким ты был — Аким оста-
ется», — всхлинула Елена. И
сразу порешила: «Теперь у ме-
ня одно осталось — борьба за
снижение падежа лошадей».

Ложась спать, Аким Морев
думал: как бы поскорей овла-
деть ею. Природой. Заставить
ее служить человеку.

ВНИМАНИЮ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Сегодня администрация рекомендует про-
гулку по различным залам музея. Просьба
относиться к экспонатам бережно. Руками
не трогать.

Делурные экскурсоводы: Е. Агранович,
Н. Богословский, Э. Модисовский, М. Льво-
вский, Э. Паперный, А. Ракин, С. Сергеев,
В. Лишиц, Л. Лиходеев, К. Файзулин.

МОНОЛОГ ЦИТАТЫ

Я — из Белинского читала.
А жизнь читаты не легка.
И в путь отправилась когда-
то.
Принире названьями бока.
И точно сверенные строчки
Служили истине одной —
Мои от тонки и до тонки
И до последней запятой...
Вот потому-то я едва ли
Смогу забыть тот страшный
час.
Когда меня истолковали
Слегка превратно в первый
раз.
С тех пор пошло! Я надела
То на одних, то на других,
И автор грозного подвала
Принорил много северных.
Потом в дискуссии о стиле
Мелькнула та ту, то там...
Меня противниками скакали
И развалили пополам.
Две сокрушительных цитаты
Образовались из одной.
И ринули противники
На брата брата пошел войной.
Друг друга лупят как пополам,
Про общий смысл забив
давно.
(А порознь в братьях смысла
Ведь между ними было мало,
Пусть эти братья по
В части у критики привычке
Пробу вернуть мои кавычки,
Чтобы позор не пал на них.)

ПАЛЕОЛИТ

(Из цикла «Помни, как
сейчас...»)
Доисторические люди,
Каждо обмениваясь мнениями,
Проказли дотригичными груди,
Дробили голыми каменными.
И ринули противники
На брата брата пошел войной.
Друг друга лупят как пополам,
Про общий смысл забив
давно.
(А порознь в братьях смысла
Ведь между ними было мало,
Пусть эти братья по
В части у критики привычке
Пробу вернуть мои кавычки,
Чтобы позор не пал на них.)

Часть нашей биографии

Наша биография, ремешком
Подпоясывая шинели,
С пеней падали под ножем,
На высоких кострах горели...

А кто не пел в тридцатые годы знаме-
нитую светловскую «Хавокву»? Кто не
повторял тогда этих строк, выражавших
главное, чем мы жили в то время:

Под солнцем горячим, под ночью слепой
Немало пришлось нам прожить.
Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

Да и позднее, в годы Великой Отечест-
венной войны, мы, партизаны, не раз пе-
дали эту замечательную песню в глубо-
ком тылу гитлеровцев, на той стороне
фронта, в землянках, у костров. И «Ха-
воква» помогала нам, согрела сердце...

Но больше всего жорота моя, как, на-
верное, всем, кто пережила трагичную ре-
спубликанской Испании. «Гренада»
Светлова. Недалом на могиле легендарно-
го генерала Лукача — венгерского писа-

Частичка нашей биографии

Мата Залка, погибшего за свободу
испанского народа, написали слова свет-
ловской «Гренады»:

Я хату покинул,
Пошел поваять,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

Эту песню об украинском царенке пе-
ли в Испании и мы — русские антифа-
шисты, и наши товарищи по Интерна-
циональной бригаде на всех языках мира,
и бойцы воинских частей республикан-
ской Испании.

Часто я повторял про себя строки из
этого стихотворения:

Новые песни
Примудрала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить...

Да, это правда! Жизнь примудрала мно-
го новых песен. И все-таки есть старые
песни, которые не забываются и не ста-
реют. К таким вечно новым и нестарым
песням принадлежат, по-моему, луч-
шие стихи Михаила Светлова.

С удовольствием прочитай я последнюю
книгу поэта — «Горизонт». В этой книге

Частичка нашей биографии

Мата Залка, погибшего за свободу
испанского народа, написали слова свет-
ловской «Гренады»:

Я хату покинул,
Пошел поваять,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

Эту песню об украинском царенке пе-
ли в Испании и мы — русские антифа-
шисты, и наши товарищи по Интерна-
циональной бригаде на всех языках мира,
и бойцы воинских частей республикан-
ской Испании.

Часто я повторял про себя строки из
этого стихотворения:

Новые песни
Примудрала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить...

Да, это правда! Жизнь примудрала мно-
го новых песен. И все-таки есть старые
песни, которые не забываются и не ста-
реют. К таким вечно новым и нестарым
песням принадлежат, по-моему, луч-
шие стихи Михаила Светлова.

С удовольствием прочитай я последнюю
книгу поэта — «Горизонт». В этой книге

Алексей АРБУЗОВ СИБИРСКАЯ ДЕВЧОНКА

ОТРЫВОК ИЗ ХОРОВОЙ ДРАМЫ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Валя — инкассатор.
Сергея — механикатор.
Виктор — электрификатор.
Хор — популяризатор.

Сцена изображает крупную
строжку в Сибири. Слева —
генератор, справа — комму-
татор, сзади — экскаватор.
Вперед стоят механикатор и
инкассатор. За ними — электр-
фикатор. В директорской
ложе — администратор.

Появляется хор — четыре
молодых человека в типичной
для сибирской стройки спе-
цодежде (смокинг, лаковые
туфли, галстук-бабочка).

Хор. Это — Валя. Она —
девушка. Она красивая де-
вушка. Она работает инкас-
сатором. В свободное от ра-
боты время она любит Сергею.

А это — Сергей. Он, набо-
рот, — мужчина. Он работает
значитым механикатором. Он
тоже любит Валю.

Виктор. А я — Виктор. Я
люблю, а меня не любят. Я
тоскую и ревную. В свободное

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА САТИРИКА

Картина местная. Доступа
для всех не достигших 16 лет.
А после 16ти возрастной
Его допускают. Он сам не
мает.

Если Москва — сердце стра-
ны, то «Вечерняя Москва» —
кардиограмма.

Зачиншал диссертацию.
Как это благородно! Сла-
вых надо защищать!

Начиншал спектакль. У гар-
роба выстроились очереди. Хо-
телось крикнуть:
— Не стойте, граждане, на
всех не хватят!

Держать что-либо в секрет
все равно, что держать бревно
на весу — одному тяжело!

Авансовый отчет: «Выдавший
мне при рождении талант я
расколовал следующим обра-
зом».

В доме знаменитого компози-
тора было три золотых меда-
ли. Но все у собани.

Развитие этого жанра лучше
всего иллюстрируется сухими
цифрами. Начали с медной раз-
менной монеты. «Не было ни
гроша, да вдруг алтын» (Ост-
ровский), а достигли танки
суми, как «Двести тысяч на
медные расходы» (Дыховичный
и Слободской) и «Миллион за
улыбку» (Соборов).

Интер как часто повторял в
классических комедиях «Ну,
шала подано!», а в современных
«Прошу и стою!», что в конце
ночи бросил сцену и поступил
в официанты.

Сюжеты для кинокомедии не
выпадают на полку — их обычно
берут с потолка.

Отниме нам предоставляю
право самим решать, что ста-
вить, а что нет, — сказал ди-
ректор театра и заплакал.

нели и животу, в другой побелевшими паль-
цами судорожно стискивая масляный «ТТ».
хрипло повторял: «Где он? Я прикончу эту
шкуру... В штрафную пойду, а прикончу!» —
и плакал глухо, лающе, по-мужски откровенно,
в злом тоскливом бесении.

Валя тишина. Она пульсировала в ушах. Сер-
гей почти физически почувствовал сырость запаха
гнилой воды луга, гнилого тумана, размокших
шинелей, крови и чесночный запах немецкого
тола... Тишина оборвалась.

Светили ярко электрические огни, глубоко
блестели зеркала, зыбко колыхались в дыму ли-
ца над столиками. Играл оркестр оглушающе-
беспрерывно, бил овердรัม барабан, стонала
труба, сливаясь с горячей вибрирующей саксофо-
на, муч обрзал свою широту, сузилась в лю-
бовную мелодраму музыки среди этих мутных
дощей, огней над современно освещенной эстра-
дой, над головами и в толпе танцующих муж-
чин и женщин. Все можно было простить ради
любви. Ради того, что ты осталась жить. Старые
счета закрыты.

— Тебя не судили потому, — как сквозз
ледяную стену пробился к Сергею свой голос, —
что меня ранило на второй день на перевале.
Ты всегда боялся меня, когда стал командовать
дивизионом.

— Я? Боялся тебя? Я тебя никогда не боял-
ся и сейчас не боюсь, сопляк! — шепнул Уваров
наконец молочной бледностью. — Все понял?
— Ты особенно стал бояться меня после ги-
бели вояды. Так вот, Уваров, теперь я тебя най-
ду. Молчанье. Оркестр не играл. Как из-за триде-
вяти земель прощивались ватные голоса, пла-
вал женский смех в плотном жарком облачке
душиного воздуха. Мимо столика тянулись шлы
люди. Говорили... Отдвигались стулья... Что это,
кончилась танец? Скорее... Сейчас подойдет эта
женщина, чья сумочка, пахнущая пудрой, лежала
на столе. Скорее... Это мужское, не женское
дело. Здесь никто не должен вмешиваться.

— Теперь я тебя нашел, — повторил Сергей,
разделяя слова. — Я ничего не забыл.
Уваров вдруг навалился грудью на стол, гла-
за сузились, дрожали неслышанно, — поперек
моей дороги... Ты же слепой! Понял, Вохминцев?
Понял? Ты же слепой!
Сергей видел, как почти беззвучно шевели-
лись тонкие губы Уварова, крупная рука нер-
вно соскочнула со стола, потянувшись к задне-
му карману, будто показывая его. «Что ж, у него
может быть оружие... он мог не слать ору-
жие», — мелькнула какой-то спонной догадкой
мысль у Сергея, и, от этого почувствовав острую
злость, он сказал тихо, презрительно:
— Да этого... ты трус. — И добавил еще тише:
— Встань!
— Что-о?
— Встань!
Уваров поднялся, и в то же мгновение Сергей
резо и коротко снизу вверх ударил его по ли-

Из истории русского юмора

Во все времена литература шутовскими графоманами, — по
определению словаря, «одержимые болезненной страстью и
усилием и бесплодным писанию, к многоголосному, пусто-
му, бесплодному сочинительству», то есть лица, чья одар-
енность и грамотность обратны пропорциональны их самоу-
верности и самолюбию. Один из лучших образов безгра-
мотного графомана создал А. П. Чехов в рассказе «Письмо к
ученому соседу» (см. А. П. Чехов. Собр. соч. в 12 томах, том 1,
стр. 69). Это свидетельствует о том, что литература спортивна-
лась безграмотности уже давно.

На этом ступени мы демонстрируем некоторые образцы отве-
тов старого русского журнала «Сатирикон» графоманам. Жур-
нал был не адекватной прогрессивным, но люди в нем работали
остроумными.

М. ОХТА — ЛУДИВУ.
— Вы сообщаете, что мне
жете написать рассказ еще
лучше, чем присланный. Это
не штука. А вы попробуйте
еще хуже написать.
КОВЕНСКИЙ ПР. 2 —
Н. Ш.

— У меня есть еще около
ста строк таких же стихов,
стоимость по одному рублю
за строку, могу прислать,
— сообщаете вы.
— Послушайте... Нельзя
ли деньги лучше? — ПУШКИ-
НСКАЯ — ЗУДЗЕ.
— «Нам известно, — пи-
сете вы, — лошади более
всего предпочитают голубя
и белый цвет».

— Боже ты мой! Да кому
же это известно? Какая ло-
шадь могла сообщить вам об
этом?
МИНСК — ГЕРСОВУ.
— Ваше предложение нас-
чет присланных имеющихся у
вас 123 стихотворения не по-
дойдет. Мало. Нам около по-
лсотни тысяч нужно. Пиши-
те пока остальные, а там вид-
но будет.

КУДА-ТО — МУРИНУ.
— Оригинальная манера
письма — лучший залог ус-
пеха:
— «Купецкий имел потер-
тые усы и вялые изношенные
руки». Он, вероятно, слиш-
ком часто носил их. Береж-
ливый человек должен по-
мнить, что непрочные вещи
нужно носить только по пра-
зникам.

ЗДЕСЬ — А. Н.
— Руконис «Демон» и
руконис «Бал» не получили.
Кстати... Валя настоящая
фамилия — не Лермонтов
ли?

МОСКВА — МОСКИТУ.
— Может быть, — скром-
ничает Москит, — моя поэ-
зия выведенного язда не
стоит...
— Не скромничай!
— Не нужно ли вашей
редакции поэма на «Взятие
Казани Иоанном Грозным?»
— Спохватились!

Я хочу кувлет на теле
жадных...
— Если вы это серьезно,
зайдите в редакцию. Что мо-
жет — сделаем.

МОЯКА — ГУРБИЧУ.
— Не нужна ли вашей
редакции поэма на «Взятие
Казани Иоанном Грозным?»
— Спохватились!

Я хочу кувлет на теле
жадных...
— Если вы это серьезно,
зайдите в редакцию. Что мо-
жет — сделаем.

МОЯКА — ГУРБИЧУ.
— Не нужна ли вашей
редакции поэма на «Взятие
Казани Иоанном Грозным?»
— Спохватились!

